

С. Х. ЯХУТЛЬ

ПАРЕМИЯ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т. КЕРАШЕВА

Автор статьи исследует систему паремиологических единиц как особый фрагмент языковой картины мира, отражающий национальную психологию.

Ключевые слова: языковая картина мира, национальный менталитет, паремиология.

У истоков исследования мировоззрения народа через языковую систему, воплощающую в себе природу человека, стоял В. фон Гумбольдт. Им отмечено, что отражение в речи бытовых, природных и социальных явлений происходит не прямо, а опосредованно, через призму восприятия личности [1]. Сходную мысль высказывал и А. А. Потебня. Разделяя его точку зрения, В. Н. Телия подчеркнула особую роль фразеологизмов в трансляции культурно-национального самосознания и идентификации этноса: в них реализуется мировидение нации. Этот процесс двусторонний. Используя паремиологические единицы русского языка, она доказала, что закрепляются именно те образные выражения, которые ассоциируются со сложившимися эталонами, стереотипами, мифологемами и воспроизводят свойственный для той или иной лингвокультурной общности менталитет [2].

Варьирующаяся в зависимости от принадлежности человека к той или иной эпохе, социально-возрастной группе и других факторов, концептуальная картина мира при определенных условиях может быть одинаковой у людей, говорящих на разных языках, и различаться у людей, говорящих на одном языке [3]. Языковая картина мира складывается из специфических концептов и стереотипов, охватывает все сферы человеческого сознания. Она оказывается «наиболее долговечной, устойчивой, во многом (разумеется, лишь <...> в конкретном временном срезе) стандартной, ибо “воспроизводимы” именно стандартные единицы языка, ставшие узальными» [4].

Пословицы и поговорки наряду с другими единицами становятся предметом исследования новой дисциплины – лингвокультурологии, которая в силу антропоцентричности и специфичности языка выявляет основные отличительные черты национальной психологии [5].

Паремиологический фонд – национально- и культуромаркированный фрагмент языковой картины мира – воплощает взгляд человека на окружающую действительность, оценку поведения в определенных жизненных ситуациях. Реализуется принятый данным лингвокультурным сообществом тип мышления – унаследованная от предыдущих поколений совокупность практических знаний, обычаев, традиций. Благодаря выполнению кумулятивной функции паремии позволяют воссоздать способ пословичной концептуализации действительности и ценностные доминанты.

В большинстве случаев паремии имеют довольно прозрачную внутреннюю форму, вербализуя образ мышления, сформированный традициями, со-

циальными и материальными условиями жизни. В устойчивых сочетаниях содержится информация, важная для определения особенностей менталитета – своего рода «сетки координат», посредством которой люди воспринимают действительность и строят собственный образ мира [6]. Это дает возможность обозначить доминантные черты психики, аксиологические установки. Универсальность таких выражений обусловлена тем, что они затрагивают глобальные онтологические, этические и социальные категории – время, добро, зло, нравственность, мужество, честь, труд, лень, ум и др.

Рассмотрим это на примере единиц, использованных Т. Керашевым [7].

В произведениях писателя нами выявлено несколько групп наиболее употребительных пословиц. Первую составляют идиомы с семантикой **‘честь, мужество, доблесть’**, например: *Улыба, так!э птетба?*; *Е улын, е улэн!* («Бысым к!алэ», с. 408) – *Или ты не мужчина, разве ты не носишь усы?*; *Или мужество, или смерть!* («Молодой бысым», с. 579). Чтобы воспитать мужественных, ловких и храбрых юношей, адыги очень часто устраивали различные состязания для молодежи, да и игры, которые сопровождали многие обряды, были военизированными. Ценилась прежде всего стойкость в минуту испытаний: *Анахъ зымышъужъыщтэу, анахъ гук!одын!эми зэ бжъэнтхъожъ!* («Бысым к!алэ», с. 410) – *Как бы ни было безвыходно твое положение – еще раз рванись в бой!* («Молодой бысым», с. 579).

Вторая группа – паремии, описывающие **животный мир**. Среди них особенно часты упоминания коня – неизменного, верного спутника горца. Например: *Апэрэ мафэм цыгублагэу Анцокъо фэшьхъаф бырулэм хэти бгъодэмышъанэу Гъучыпсэ унашьо ыш!ыгъ.* «Шым зьер ары ыш!эн фаер», – *ы!уагъ ац* («Шапсыгъэ пшъашъ», с. 414) – *С самого начала Гучипс приказал, чтобы никто, кроме Анчока, не подходил к коню.* «Конь должен знать только хозяина», – *пояснил он* («Дочь шапсугов»). Или: *«Шым ытхыц!э цыцэу уанэр зытелъыщт ч!ын!эр сыдигъуи фыкъонк!э нахъ цынан!э ит, цыгъум шъор егъэпытэ, п!ант!эри нахъ мак!э еш!ы.* *Зытхыц!э мыпытэшыр – ар шэп», – ы!уагъ ац* («Шапсыгъэ пшъашъ», с. 415) – *«Подседельное место на спине коня всегда в наибольшей опасности, а соль укрепляет кожу, излечивает от потливости. Без крепкой спины конь – не конь» – заявил он* («Дочь шапсугов», с. 65).

Особое внимание уделяется характеристике породы коня: *Адыгэ шы лъэпкъэу анахъ шы дэгъухэр къызхэк!ыхэрэр:* «*шьэолыхъу*», «*жыыраштэ*»,

«кырым-шьокъал», «кыундет», «абыкыу». Оркъ хун клякдохэм алоцтыгъэба: «Зы “абыкыурэ” зы аркъэнрэ уилэмэ, унагъо тшагъэ» («Шапсыгъэ пшъашъ», с. 404) – У адыгов много разновидностей конской породы. Место, где выведена порода «цагди», населена кабардинским племенем адыге. Лучших коней дают породы «шоулох», «жирашты», «крым-шокал», «кундет» и «абыку». Недаром налетчики-уорки говорят: «Если имеешь одного “абыку” и один аркан, ты уже имеешь целое состояние» («Дочь шапсугов», с. 54)

Третья группа – **характеристика этносов**: Абдзахэр псэгъау, шапсыгъэр сэихогъабз, алоу цлѣ-пфмэ ахэлыгъ («Абдзэх шэкложьыр», с. 321) – «Абдзех – меткий стрелок, а шапсуг искусно владеет иашикой» («Абдзехский охотник», с. 507).

Четвертая группа – это пословицы со значением **почитание старшего поколения**, например: Бжъэдыгъу пцы-оркъ заом илэхъани фэкълыхэмэ даоу пцы-оркъымэ къанапэтыгъэмэ ац фэдэу хэтыгъ: «Шъуижьырэ тижьырэ зэфэдэн фай, лъытэр лэкъо Иофэп, нахъыжъ Иоф нахъ» («Шахьомрэ пшъэшъэ пагэмрэ», с. 110) – *Еще во время восстания бжедугских крестьян в середине девятнадцатого века одним из требований фокотлей было: «Ваши старший и наши старший должны быть равны. Почет по старшинству, а не по родовитости»* («Месть табунщика», с. 416).

Анализ адыгского паремиологического материала позволяет утверждать, что следует соблюдать меру во всем (в словах, в делах, в чувствах). Превышение меры оценивается негативно: Цы-пфмэ ало: «Умыуцумэ, къиуцукли улулэн». Мыдэ,

шъуцымыгъуишэжъмэ, ылогъагъ шъуложьын: «мы оркъ шъхъэгъэкIри зэгорэм клэмы IкIыжъынэу къепэкIэон IукIэцт» («Шапсыгъэ пшъашъ», с. 476) – *Сказано ведь: «Если беспрестанно будешь свирепствовать, и на более свирепого можно наскочить». Ахмед грустно вздохнул и добавил: «Эх, хотел бы я выздороветь и оказаться тем, на кого наскочит этот орк»* («Дочь шапсугов», с. 62).

Таким образом, паремии предстают как своеобразные выразители народной мысли: субъект, действие, время и пространство в них типизированы (воплощают в себе основные черты мировоззрения и миропонимания этноса).

Литература и примечания

1. *Потебня А. А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык. М., 1999.
2. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
3. *Новикова Н. С., Черемисина Н. В.* Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. 2000. № 1. С. 40–49.
4. *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 42.
5. *Ильин И. А.* О русской идее: собр. соч. в 10 т. Т. 3. Кн. 1. М., 1993.
6. *Панов В. Г.* Эмоции. Мифы. Разум. М., 1992.
7. Тексты на адыгском языке приводятся по кн.: *КIэрэцэ Т. Лыгъэ Новеллэхэр.* Краснодар, 1972, тексты на русском – по кн.: *Керашев Т.* Избранное. Майкоп, 1997 (номера стр. указываются в скобках).

S. KH. YAKHUTL. PAROEMIA AS A WAY OF REFLECTION OF NATIONAL CONSCIOUSNESS AND NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN T. KERASHEV'S LITERARY TEXTS

The author of the article researches the system of paremiological units as a special fragment of the language picture of the world that reflects national psychology.

Key words: language picture of the world, national mentality, paremiology.

М. И. РУТТИ

К СЕМАНТИКЕ ЦВЕТОВЫХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА «СЫНОВЬЯ И ЛЮБОВНИКИ»

Статья посвящена особенностям и способам репрезентации цветоименований в художественном тексте. Автор рассматривает семантические интерпретации цветоименований как один из значимых параметров адекватного восприятия текста.

Ключевые слова: романистика Д. Г. Лоуренса, цветовые номинации, языковая картина мира, семантические интерпретации, идиостиль.

Проблема цвета и цветообозначения в последние десятилетия активно разрабатывается в различных сферах научного знания. В лингвистической литературе много внимания уделялось исследованию цветообозначений в художественном тексте конкретного автора. Это обусловлено тем, что цветописья является для писателя важнейшим экспрессивным средством, несет глубокую идейно-художественную и эмоциональную нагрузку, выступает одним из основных способов зафиксировать «уникальную

информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [1].

Цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей, поскольку цветовое зрение является компонентом культуры, вписанным в определенную систему ассоциаций, смысловых значений, толкований. Кроме того, семантические интерпретации цвета служат «свое-